

В споре с сильными...

Слышал, что скоро и у нас появятся книги Солженицына. А как же быть с тем, что о нем написано в брежневские времена? Думаю, что было бы справедливо поговорить о судьбе писателя с документами в руках.

Андрей Быстрицкий.
Москва.

В начале февраля нынешнего года принято решение возратить из спецфондов на полки библиотек все изданные в нашей стране книги писателей, которые в 60—70-е годы выехали за рубеж: В. Аксенова, В. Войновича, Г. Владимова... Есть в этом списке и имя, бывшее до сих пор под запретом, — Александр Солженицын...

...Ноябрьский номер «Нового мира» за 1962 год. Как взрыв было воспринято появление в журнале повести неизвестного писателя Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Состоялось первое открытие «лагерной темы»... Глазами заключенного люди увидели ужасающий мир за колючей проволокой...

Фигура А. И. Солженицына — писателя сложного, жесткого, неоднозначного — будет, без сомнения, занимать умы тех, кто захочет написать историю развития общественной мысли страны в годы застоя.

Сегодняшний наш собеседник — НАТАЛЬЯ РЕШЕТОВСКАЯ. Она автор книги о Солженицыне «В споре со временем», подготовленной для зарубежных читателей в середине 70-х издательством АПН.

— Наталья Алексеевна, книга была единственным доступным (да и то далеко не всем) нашим людям произведением о жизни вашего бывшего мужа. Возможно, нынешний читатель увидит где-то между строк обиду или субъективность, и все же, те, кому удалось познакомиться с книгой, мне кажется, делали вывод: Солженицын совсем не таков, каким его рисует пропаганда тех лет. Какова история появления этой работы?

— Дело в том, что тогда появилось много слухов и сплетен о нашей жизни и даже откровенной клеветы. Приходилось вступать в полемику. Издательство АПН предложило мне подписать договор на книгу «Обгоняя время». Подробные записи я вела с начала шестидесятых годов. Уцелела также наша военная переписка, письма из лагерей... Издателям сказала: «Вы, наверное, хотите, чтобы книга чернила Солженицына». Меня заверили в противном, но резали книгу по живому. В изуродованном виде и вышла в свет ее последняя глава — «Перекрестки». Редакторы издательства вписали туда немало от себя. Я возмущалась. Обещали внести поправки и тем не менее отправили свою версию итальянскому издателю. Я увидела окончательный текст лишь в готовой книге... Только американские издатели устранили ряд купюр и приписок.

Что касается субъективности... Кое-кто уверен, что оставленная жена обязательно должна мстить. Такой читатель, соответственно, ищет то, что хочет найти.

Своего несогласия по ряду вопросов с Александром Исаевичем я не скрываю. Спорила с ним и Владимир Лакшин, и Рой Медведев, и Андрей Сахаров. Открытая,

гласная полемика — это нормально. К сожалению, она была до сих пор невозможна на страницах наших изданий. Но я всегда верила, что книги Солженицына вернутся на Родину...

— А вот многие критики Солженицына считали, что это никогда не случится. Говорили и писали о нем, не опасаясь опровержений...

Очевидно, у этой кампании было и начало?

— В апреле 1964 года шло заседание комитета по Ленинским премиям. В разгар обсуждения «Ивана Денисовича» секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов вслух засомневался: может, Солженицын не жертва культа личности, а просто уголовник? Рассказывал мне об этом А. Т. Твардовский. Он с места тогда, на заседании, и крикнул: «Неправда!» Но доказательства-то на руках не было. На следующий день Твардовскому привезли из Военной коллегии Верховного суда СССР копию реабилитационного определения по делу Солженицына, где было написано: пострадал за критику Сталина. Павлов извинился, но слово-то вылетело... А в «Правде» уже набирали статью, где ставилась под сомнение необходимость присудить Ленинскую премию за «Один день Ивана Денисовича».

— Да и после этого появлялось немало необоснованных обвинений.

— Мне очень тяжело говорить о книге Т. Ржезача «Спираль измены Солженицына», поскольку я чувствую свою невольную вину за ее появление. Не было бы моей книги, не было бы и этой. Ржезач взял канву «В споре со временем», извратил все и вся. Как можно всерьез говорить о том, что Солженицын сам спровоцировал собственный арест в феврале 1945 года, чтобы не воевать, а... описать лагерь? Уверена, что сегодняшний молодой человек вряд ли знает истинную причину того ареста: его взяли за переписку с другом Н. Виткевичем. Они позволили себе усомниться в том, что Сталин последовательно продолжает политику Ленина. В переписке юные офицеры зашифровали Сталина кличкой Пахан. Особисты оказались догадливы... Еще одно «обвинение»: якобы Солженицын, попав в Восточной Пруссии в окружение, бросил свою батарею. Мол, часть вывел к своим не он, а сержант Соломин. И это якобы сошло Солженицыну с рук. Опять неправда. Есть свидетельства и самого Соломина, и командира артдивизиона полковника Пшеченко. За тот случай Александр Исаевич был представлен к ордену Красного Знамени. Но получить его не смог — через десять дней за ним пришли... Кстати, именно Соломин и Пшеченко пытались спасти своего комбата и после ареста — весной 1946 года: дали объективную боевую характеристику, в которой рассказывалось о том, как он воевал с 1942 года, как был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

— Действительно, идейные разногласия не должны приводить к некорректным способам свести счеты даже с тем, кого считаешь противником.

— Оклеветать легко. Но ложь в конце концов неминуемо обращается против клеветников. Один литератор, например, публично обвинил Солженицына в сотрудничестве с... лагерными особистами. Звучит громко. Но ведь о том, как его пытались вербовать, писал сам Александр Исаевич...

— Факты скрыть трудно. Молодой архивист Дмитрий Юрасов ознакомился с делом Солженицына. Никаких указаний на то, что он был в лагере «стукачом», нет.

— Думаю, что в конце концов

вместо созданной Ржезачем лжебиографии Солженицына у нас появится объективная литература о нем.

— Ваше повествование заканчивается публикацией «Одного дня Ивана Денисовича», перипетиями с выдвижением на Ленинскую премию. Что же было дальше? — О том, что было после 1963 года, рассказывают мои неопубликованные мемуары под названием «В споре с сильными». Они заканчивались событиями конца 1967 года, когда Твардовскому не удалось добиться публикации романа «Раковый корпус». Набор был рассыпан. Твардовский, Каверин пытались заручиться поддержкой секретаря СП СССР К. Федина. Тщетно. Александр Исаевич понял, что перед ним «путь неизведанный»...

— Как вам кажется, кем был вынесен окончательный приговор?

— Федин виделся с Л. Брежневым. Твардовский спрашивал Федина, как прошел разговор. Тот ответил: «Что я мог хорошего сказать о Солженицыне? — и добавил: — Ну и плохого я тоже не сказал...»

— Но мнение многих писателей о романе «Раковый корпус» было, по-моему, положительным?

— Да, осенью 1966 года прошло обсуждение романа в Союзе писателей. Выступали Каверин, Бакланов, Карякин, Борщаговский и другие... Бюро секции прозаиков рекомендовало роман к публикации. Единогласно приняли резолюцию...

— В. Каверин сказал об этой книге так: «Новая литература пришла на смену рептильной!»

— Но и такая авторитетная поддержка не давала результатов. Солженицын метался. Он предлагал книгу и «Звезде», и «Простору». У Твардовского тоже ничего не выходило. Даже отношения их на какое-то время из-за этого разладились. Александр Исаевич боролся за публикации отчаянно... В конце концов обезнадежил. И на Запад уже с его помощью проследовал роман «В круге первом», написанный по впечатлениям от инженерной тюрьмы — «шарашки» в Марфине... — Насколько я знаю события тех лет, напряженность в отношениях между писателем и официальными лицами нарастала. Похоже, его даже не рассматривали как равноправного партнера в диалоге.

— Мне кажется, самое страшное, переломное событие тех лет — обыск у его друга В. Л. Теуша в сентябре 1965 года. Изъяли хранившиеся у Теуша архивы писателя, рукописи, не предназначенные для печати. Обнаружили и рукописи пьесы «Пир победителей». Сочинял он ее в лагере. В стихах, чтоб легче запомнить. В ссылке ее записал, но публиковать не собирался. Пьеса очень злая, сатирическая... Роман «В круге первом», заказанный «Новым миром», чуть было не повторил историю «Жизни и судьбы» Гроссмана. Три экземпляра арестовали у Теуша. Четвертый чудом оказался... в «Правде». Солженицын дал его почитать Юрию Карякину — тот хотел попытаться напечатать в газете отрывок.

...Приходит на память картина: сидит Александр Исаевич сложа руки, не работает. Мысли лишь об одном: с минуты на минуту за ним могут прийти.

— Солженицын писал об этих днях: «...Я был подстрелен. Подстрелен... Тяжелее того (1945 г. — Ред.) ареста пережил я это новое крушение. Провал мой в сентябре 1965 года был самой большой бедой за 47 лет моей жизни. Я несколько месяцев ощущал его как настоящую физическую незаживающую рану — копьем в грудь и даже — напрокол, и наконец застрял — не вытащить... Еще через десяток

лет я был бы готов выйти на люди со всем написанным, и во взрыве той литературной бомбы несколько не жалко было бы сгореть и самому; — но вот один сколок ногой, одна оплошность, — и весь замысел, вся работа жизни потерпела крушение. И не только работа моей жизни, но заветы миллионов погибших, тех, кто не дошел, не дохрипел своего на полу лагерного барака — тех заветы я не выполнил, предал, оказался недостойн... Я не донес их надежды...»

— Что было делать? Мы поехали к Твардовскому. Тот сказал: «Александр Исаевич, это горе не только ваше. Это — горе нашей

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН. Весна 1944-го. В блиндаже, недалеко от Гомеля, создавалась «Женская повесть».

литературы». И его настроение можно: только что за публикацию книг на Западе арестовали А. Синавского, потом Ю. Даниэля...

— Да, в то время готовился процесс над двумя инакомыслящими литераторами. 10 февраля 1966 года Верховный суд РСФСР под председательством Л. Н. Смирнова при участии прокурора О. П. Темушкина, наверное, впервые в мировой истории судил за... художественное творчество, выискивая между строк «антигосударственную деятельность», «клевету, обличенную в литературную форму», «действие, равнозначное предательству». Наверное, Солженицын читал, скажем, в «Известиях» статьи Ю. Феофанова «Тут царит закон», «Изобличение», «Пора отвечать», в которых авторы антикультовских памфлетов клеймились как «злые враги». Было от чего прийти в отчаяние...

— Тогда Солженицын уже немного успокоился — в первом номере «Нового мира» за 1966 год прорвался его рассказ «Захар-Калита». Хотя угроза оставалась — архив не возвращали, несмотря на телеграмму в Политбюро, письмо к Демичеву, заступничество Твардовского. Потом нам намекали, что рукописи находятся у Генерального прокурора СССР Руденко. Мол, надо бы обратиться туда. Но Александр Исаевич махнул рукой: «Там будет в полной сохранности...» Понимал: ничего не вернут. И был прав — весной рукописи стали давать читать различным людям.

Солженицын не мог поверить, что безнравственная, абсолютно незаконная акция возможна. Решил: пугают. Но нет, кое-кого действительно знакомят с

«Пиром победителей»... И вот уже Т. Хренников «делится»: «В прежнее время его за такую пьесу бы расстреляли». Предложили также ознакомиться Твардовскому, он ответил: «Я привык получать рукописи от авторов». Отказались Симонов, Бакланов, Слуцкий. Но сколько же было других!.. Именно тогда Солженицын стал готовить обращение к IV съезду Союза писателей СССР. Сначала он мыслил письмо как просьбу защитить свои писательские права, способствовать публикации «Ракового корпуса» и «В круге первом», возвращению конфискованных рукописей.

— Теперь, через два с лишним

десятилетия, журнал «Нева» (№ 1, 1989 г.) опубликовал этот документ. Вот выдержки из него: «Литература не может развиваться в категориях «пропускают — не пропускают», «об этом можно, об этом — нельзя». Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, — не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырьев... Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист».

— Эти мысли так созвучны нашему времени. Но и тогда, когда он разослал по 250 адресам свое послание, его поддерживали в коллективном письме на съезд 84 писателя и 15 — в личных телеграммах и письмах. Но зачитать их побоялись. Только Вера Кетлинская с трибуны возмущалась: почему же делают вид, что такого писателя, как Солженицын, не существует?

22 сентября 1967 года состоялось расширенное заседание секретариата СП СССР. Твардовский шутил, что съезжаются «33 богатыря, 42 секретаря». Сказали, что будет обсуждение вопроса о публикации «Ракового корпуса» в «Новом мире». Но «артподготовка» была иной: перед заседанием всем раздали краденый (иначе сказать не могу) «Пир победителей». И только о нем пытался вести речь. Солженицын протестовал: пьеса к делу не относится. Тем более что он

еще в 1966 году в письме Брежневу фактически от нее отказался, написав, что это — давно забытое произведение, которое не выражает нынешние его взгляды. Это он подтвердил и на заседании: «Я уже не раз объяснял, что пьеса написана не членом Союза писателей Солженицыным, а бесфамильным арестантом Ш-232 в те далекие годы, когда арестованным по политической статье не было возврата на свободу... Я так же мало отвечаю сейчас за эту пьесу, как и многие литераторы не захотели бы повторить сейчас иных речей и книг, написанных в 1949 году. На этой пьесе отпечаталась безвыходность лагеря тех лет, когда сознание определялось бытием, и отнюдь не возносились молитвы за гонимых...»

— Судя по опубликованной за рубежом стенограмме того заседания, ему удалось все же пере-

— Но руководителям страны непослушный писатель, видимо, не был необходим.

— Мне часто вспоминаются взаимоотношения Ленина и Горького. Владимир Ильич не принимал многих воззрений Горького после Октября. Но он не требовал, чтобы Горький отказался от выношенных годами убеждений. Считал, что по отношению к художнику следует быть терпимым. — Ленинские уроки и в сталинские времена, и в годы застоя были накрепко забыты. Вспомним, Ленин о Льве Толстом писал как о «зеркале русской революции». Но снова-таки не призвал его принять революционную веру. Потому что Ленин понимал: Толстой революционного насилия не принимает...

Да, критика Солженицына казалась излишне резкой, хотя сегодня и похлеще пишут. Но нельзя забывать хрестоматийное: в 1921 году Ленин предлагал

21 апреля по 26 июня. За это время на Западе появилось незаконное издание книги. Наконец протест вышел в «Литературной газете» вместе с редакционной статьей под названием «Идейная борьба и ответственность писателя», в которой Солженицына же и обвиняли в безответственности. — Мне важно отметить позицию писателя в то время. Он выразил ее в одном из интервью, отвечая на вопрос о борьбе за мир: «Борьба за мир есть только часть из обязанностей писателя перед обществом. Никак не менее важна и борьба за социальную справедливость и упрочение духовных ценностей в своих современниках. Именно с нравственных ценностей в душе каждого только и может начаться плодотворное отстаивание мира». — Мне очень обидно, что такими глухими и слепыми оказались те, кто подталкивал его к постоянной конфронтации, кто хотел

Исаевич провел в «укрыище» на уединенном хуторе. Работал как каторжный, с раннего утра и до поздней. Весной 68-го был готов окончательный вариант. За месяц мы перепечатали его, засняли. Да, пленки улетели на Запад: ждаль своего часа. Александр Исаевич не хотел публиковать книгу там, боясь повредить тем, кто ему помогал. И только чрезвычайные обстоятельства вынудили его сделать это. В августе 1973 года одна из рукописей «Архипелага» при загадочных обстоятельствах попала в руки «оппонентов». Тогда Солженицын и дал команду — печатать. Терять было уже нечего...

— Но это — 1973-й... А его исключили из Союза писателей раньше...

— 4 ноября 1969 года пять рязанских писателей за полтора часа исключили его из союза с формулировкой: «Собрание считает, что поведение Солженицына носит антиобщественный характер, в корне противоречит целям и задачам СП СССР». Единственный, кто не принял в этом участия, был секретарь правления рязанской писательской организации Эрнст Сафонов...

— В тот вечер Солженицын сказал собранию: «Что ж, голосуйте, за вами большинство. Но помните: история литературы будет интересоваться нашим сегодняшним заседанием...»

— Я в это время была в Москве. Позвонила А. Т. Твардовскому: надо было забрать 12 глав «Архипелага». Твардовский дал им высокую оценку: «Просто удивительно, он пишет о первой мировой войне, пользуясь своим фронтовым опытом. И все же описывает именно ту войну, а не эту». И в заключение сказал: «Мы так легко с рукописями не расстаемся. Пусть сам Александр Исаевич придет, поговорим...»

Александр Трифонович, узнав об исключении, хотел предпринять шаги к восстановлению Солженицына. Он надеялся, что тот будет апеллировать, ведь Союз писателей РСФСР подтвердил исключение в отсутствие Солженицына на следующий же день. Но, узнав о происшествии в СП республики, Солженицын решил громко хлопнуть дверью. Написал открытое письмо. Им он сжег все мосты.

— Думаю, нам надо познакомить читателей с тем, что он написал: «Протрите циферблаты! — ваши часы отстали от века. Откиньте дорогие тяжелые занавеси! — вы даже не подозреваете, что на дворе уже рассветает. Это не то глухое, мрачное, безысходное время, когда вы так же угодливо исключали Ахматову. И даже не то робкое, зябкое, когда с завываниями вы исключали Пастернака. Вам мало того позора? Вы хотите его сгустить. Но близок час: каждый из вас будет искать, как выскрести свое подписью под сегодняшней резолюцией. ...Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжело больному обществу вы не способны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть, а только держать и не пущать... Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к Отечеству, тот думает лишь о своей выгоде. Кто не хочет Отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней; а загнать их внутрь, чтобы они гнили там».

— Письмо многое объясняет. Александр Исаевич тогда и не думал о расставании с Родиной. Он стремился продолжать работу. Думаю, прав был М. Растропович, на даче у которого мы жили. Тот говорил: «Зачем тебе Союз писателей? Ты ему нужен больше, чем он тебе». Но осенью 1970 года, собираясь публиковать «Архипелаг четырнадцатого», Солже-

ницын предложил свой роман в первую очередь советским издателям. Из восьми журналов ответа не пришло. Его изолировали...

Узнав о присуждении ему Нобелевской премии, он вновь пишет — на этот раз М. А. Суслову. Солженицын хотел, по его словам, «пересмотреть ситуацию, созданную вокруг него и его произведений недобросовестными деятелями из СП СССР, дававшими правительству неверную информацию». Он предлагал разрядить обстановку срочной публикацией «Ракового корпуса». Писал, что «запрет этой повести, одобренной московской секцией прозы, принятой «Новым миром», является чистым недоразумением». Кроме того, он считал необходимым снять запрет с библиотечного пользования прежде напечатанными рассказами, снять все виды наказания с лиц, обвиненных в чтении и обсуждении его книг.

— Словом, опять он предлагал разумное: диалог на равных вместо конфронтации...

— И потому в том же послании Суслову он говорил: «Если все это будет принято и осуществлено, я могу передать для опубликования мой новый, на этих днях кончаемый, роман «Архипелаг четырнадцатого». Эта книга не может встретить цензурных затруднений: она представляет собой детальный военный разбор «самсоновской катастрофы» 1914 г., где самоотверженность и лучшие усилия русских солдат и офицеров были обесмыслены и погублены параличом царского военного командования. Запрет в нашей стране еще и этой книги вызвал бы всеобщее изумление».

— Ключ к конфликту писателя и государства дает, на мой взгляд, одна важная мысль Солженицына: «Изучение русской истории, которое сегодня уже увело меня в конец прошлого века, показало мне, как дороги для страны мирные выходы, как важно, чтобы власть, как ни будь она самодержавна и неограниченна, доброжелательно прислушивалась бы к обществу, а общество входило бы в реальное положение власти; как важно, чтобы не сила и насилие вели страну, а правда...» Какая же знакомая в этих словах надежда: та, что была и у Достоевского, у многих крупных писателей XIX века — стать для власти духовным учителем. Солженицын с трудом изживал заблуждение, что неправедную власть можно подвигнуть на добрые дела.

— Я бы сказала, что в этом переломе, осознании невозможности найти какое бы то ни было понимание наверху — один из истоков его последующей эволюции. Он сознательно повернул на рискованное противостояние, понимая, чем может для него все кончиться.

О дальнейшем говорить мне тяжело: там — моя жизнь, моя личная трагедия. Об этом — не стоит...

...Очень долго тема Солженицына была в запретных. И вот я увидела сотни подписей, поставленных во время «Недели совести» под петицией, требующей отменить указ о высылке Солженицына, узнала, что по Москве прошли вечера, посвященные 70-летию писателя и еще одному печальному «юбилею» — 15-летию его высылки. Все-таки сегодня — не роковой канун 1968 года, когда был рассыпан уже готовый набор восьми глав «Ракового корпуса». Возвращение «Ивана Денисовича» — хорошая примета нынешней весны. Думаю, что неминуем приход к нам и других его книг.

— И читая их, мне кажется, мы можем исходить из высоконравственного критерия, оставленного нам А. Т. Твардовским. В одной из телеграмм Солженицыну он написал: «Расходясь с Вами во взглядах, неизменно ценю и люблю как художника».

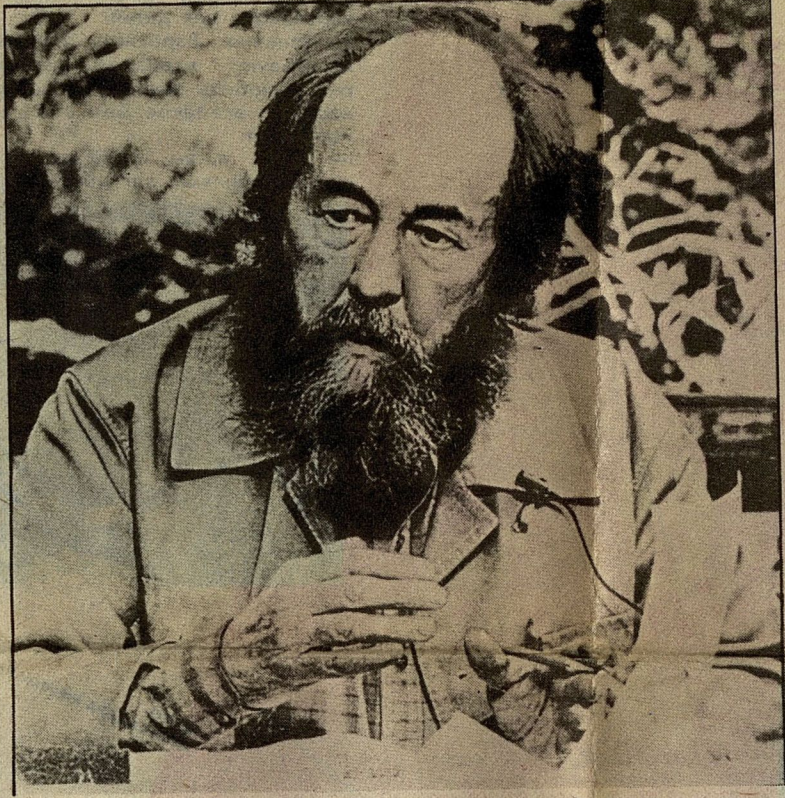
Беседовал
Михаил Соколов,
спец. корр. «Собеседника».

Март 1957 года. Снова переезд, на этот раз из Владимирской области в Рязань.

вести разговор на «Раковый корпус». Мнения разделились. Так А. Салынский сказал, что «эту вещь надо печатать — это яркая и сильная вещь», а на идеологические выпады ответил: «Каждый человек волен думать по-своему о социализме и его развитии. Сам я думаю, что социализм определяется экономическими законами. Но спорить можно, зачем же не печатать повести?..» Константин Симонов отметил, что «В круге первом» не приемлет, но он за публикацию «Ракового корпуса», Ираклий Абашидзе сказал: «Не создается такое впечатление, что этот роман нельзя было бы печатать». Но основная масса литераторов была против. Особенно категорично высказался Алексей Сурков: «Если ваш «Раковый корпус» будет напечатан, эта вещь будет поднята против нас... Произведения Солженицына для нас опасней Пастернака...» Подвел итоги Георгий Марков: «Эта повесть может быть дописана, хотя и потребует очень серьезная работа. А сегодня пускать в набор, конечно, нельзя...»

— На том же заседании всерьез требовали отмежеваться и от письма съезду писателей. Конечно, кто-то другой мог бы деликатно покаяться. Тут надо знать бескомпромиссность Александра Исаевича. Твардовский предлагал ему написать что-то расплывчатое: мол, не рассчитывал на такую бурную реакцию Запада, писал для внутреннего пользования... Но Солженицын казался это отступничеством. Мне кажется, что, находясь у руководства разумные люди, они бы нашли компромисс. Надо же было исходить из главного: писатель Солженицын нужен нашей стране.

Осень 1987 года. Вермонт (США).

издать в Советской России книгу «Тысяча ножей в спину революции», написанную Аркадием Аверченко в эмиграции. Он исходил из того, что в ней критика злая, но талантливая, а «талант надо поощрять»...

— Грустно вспомнить встречи с Твардовским, который, вероятно, был последним, кто еще всерьез надеялся печатать Солженицына. Сделал все, что возможно...

Александр Исаевич в те годы держался мужественно. Он даже смог дважды публично выступить. В Институте атомной энергии имени Курчатова и в Институте востоковедения. Он читал главы из романов. Естественно, многим не нравилось, что Солженицын делает общим достоянием запрещенное цензурой. Писатель отвечал: «То, что я не хочу оглашать, распространяют без моего ведома, так почему же я не могу читать свои предложенные журналам произведения?» Хлынувший поток клеветы заставил его идти в аудитории, давать интервью, чего он раньше, экономя время, не делал. Это и подлило масла в огонь.

Ситуация становилась все напряженнее. Мы узнали о том, что за границей готовится «пиратское» издание «Ракового корпуса». В апреле 1968 года Александр Исаевич предложил «Литературной газете», а также газетам «Уни-та» и «Монд» напечатать его протест: «Заявляю, что никто из зарубежных издателей не получал от меня рукописи этой повести или доверенность печатать ее. Поэтому ничью состоявшуюся или будущую (без моего разрешения) публикацию я не признаю законной...» Он принес письмо в «Литгазету». Там предложили подождать. Ждал он с

сделать его конфликт с властями неизбежным.

Правда, сначала публикация на Западе романов «В круге первом» и «Раковый корпус» не вызвала ответной реакции. Шел 1968 год — не до того было. В то время он мало показывался на людях. Писал главную книгу...

— Мы дошли до запретной темы. До «Архипелага ГУЛАГ». До сих пор идет потаенная дискуссия: нужна ли нам книга? Наверное, лучше сначала напечатать, а потом дискутировать... Мы, студенты, читали ее в свое время в самиздатовских списках. Конечно, спорили о ней. Значительная часть нынешней молодежи если не сама, то по рассказам знает эту книгу. И потому она вызывает жгучий интерес.

— Мне думается, что это настоящая энциклопедия того страшного времени.

Меня могут уличить в противоречии. Мол, раньше Решетовская говорила и нечто иное. Да, я указывала, что это «опыт художественного исследования». Считая его нашим общим «памятником», Александр Исаевич подчеркивал, что не дерзнет «писать историю Архипелага». Должна сказать прямо и честно: тогда я пыталась хоть как-то смягчить отношение властей к роману, нажимая на «опыт» и на «художественность»...

...Вот календарик, на котором как начало работы над книгой помечен 1958 год. Но писалась книга трудно. Солженицын чувствовал, что материала не хватает. Мы тогда много путешествовали, теперь поездки сошлись с сбором свидетельств очевидцев. В 1964 году Солженицын сел за работу вновь. Две зимы — 1965/66 и 1966/67 — Александр